

ПОЭЗИЯ

56

Наталья Иванова

Нарушай запреты ЖИТЬ

* * *

Земля застыла в вечном межсезонье;
То дождь, то снег: ноябрь или апрель?
Седое солнце хмурится спросонья,
Не поднимаясь несколько недель.

На куполах, туманами одетых,
Неясных бликов зыбкий хоровод.
Серебряные когти минаретов
Царапают провисший небосвод.

На голых ветках вздрагивают птицы.
Взывает к небу горестно мулла...
И всё должно внезапно измениться:
По ком-то же звонят колокола.

* * *

Март осыпался, снег истлел;
Облака на восток поплыли –
И, хотя на дворе апрель,
Здесь по-летнему пахнет пылью.

Здесь зимою всегда метёт –
А сейчас, тяготясь шагами,
Проседает усталый лёд
Под упрямыми сапогами.

Тень бежит из-под каблука,
Точно кот из воды на сушу –
А в ладони твоя рука:
Больше мне ничего не нужно.

* * *

Молчание. Шорох снежинок на мокром асфальте.
В испуге скользят по губам изумлённые пальцы.
Два взгляда внезапных друг друга на миг повстречали,
Расстались и встретились снова – в молчанье, в молчанье...

Признание под шорох снежинок на мокром асфальте,
За окнами города, что не отыщешь на карте...
Две голых ладони плывут над босыми плечами –
И падает снег за окном. И молчанье. Молчанье...

Воскресение

Как в игру мою играть?
Честных правил в ней не будет.
Не привязывайся к людям:
Люди будут умирать.

Жги огонь, когда темно.
Размыкай объятие первым.
Не бери слова на веру:
Веру предали давно.

Нарушай запреты жить.
Пей до дна, едва пригубишь.
Если ж ты кого полюбишь –
Крепче крепкого держи.

Всё, что будет впереди,
Принимай с улыбкой дерзкой.
Не злорадствуй. Не злодействуй...
Не убей. Не укради.

Жди весну. Прощай долги.
Подставляй ладони птицам.
Всё вернётся. Всё – случится.
Все восстанут из могил.

* * *

Пьеро не должен умереть:
С него довольно слёз.
В театры кукол даже смерть
Приходит не всерьёз:

Присев в тринадцатом ряду,
Осыплет прах с ресниц
И смотрит, пряча на виду
Лицо меж прочих лиц.

Во взгляде Арлекина страх
Ей чудится порой:
«Ты кто?» – «Я старшая сестра
Всех плачущих Пьеро».

Век кукол краток, но пока
Никто не ждёт конца,
Я слушаю издалека,
Как бьются их сердца.

Не вечно музыке звенеть,
Но я одно скажу:
Пьеро не должен умереть.
Я лично прослежу.

* * *

Если б жил ты на земле этой
И не знал, куда с неё деться,
Ты не стал бы ждать зимы летом
И пришёл бы за моим сердцем.

Я снимала бы твои маски,
Целовала бы тебя в губы,
Сочиняла о тебе сказки,
Называла за глаза любим.

Если б за морем ты жил даже
И не знал, что я живу где-то,
Я звала б тебя во сне каждом
И сама к тебе рвалась ветром.

Ты услышал бы мой зов, верю,
И нашёл бы на краю света,
И стучался бы в мои двери,
Если б жил ты на земле этой.

* * *

Под вечер выключили свет
Во всём квартале,
И тьма всё выкрасила в цвет
Калёной стали.
Снаружи выло и мело –
А ты жёг свечи
И нёс ничтожное тепло
Ко мне навстречу.
Терялись лица – очень жаль! –
Над их огнями,
И тихий голос твой дрожал,
Как это пламя.
И в сотый раз на всё в ответ
Мы повторяли:
Как хорошо, что света нет
Во всём квартале...

Море волнуется

Море волнуется – раз, два, три.
Кружится ил у дна.
К берегу выйди, смотри, смотри,
Что принесёт волна.

Голая отмель в глазах рябит –
Сыплась из сундуков,
Ярче, чем подлинное, горит
Золото дураков.

Небо темнеет. Акулы ждут.
Осень, зима, весна.
Долго ли, коротко ли – идут
Трудные времена.

Бросит сокровища на песок
Хрупкая скорлупа.
Розовый жемчуг, зелёный шёлк,
Белые черепа.

Море волнуется – раз, два, три.
Жмутся к ногам мосты.
Вздогны у края, смотри, смотри
В тёмную зыбь воды.

С глаз пелена, с языка печать,
Маски и цвет с лица.
Море не спросит, с чего начать:
Верный ответ – с конца.

Сердце колотится – раз-два-три,
Кружится голова.
Это не тень грозовой зари,
Это девятый вал.

Чайки молчат – и одна на всех
Зыбкая тишина.
В высохшем горле клокочет смех.
Три, два, один.
Волна.

* * *

Опустим на воду венки –
И василёк, и крестоцвет;
Расшит тяжёлый шёлк реки
Десятком лун – десяток лет.

К кому-то суженый спешит,
Торопит белого коня;
Плясунья юбкою шуршит,
И снова песня ждёт меня.

Судьба мне в волосы звезду
Роняет с дрогнувшей руки...
Прервём прощаний череду –
И вместе в будущем году
Опустим на воду венки!
Опустим на воду венки...

Колыбельная Сакуры

Дремлют волчьи равнины и лисьи холмы.
Отцветает октябрь у подножья зимы,
И постель застилая, летят лепестки...
Тяжелы его веки, но мысли легки.

Отражаются звёзды в кошачьих зрачках
Его стражи ночной, прогоняющей страх.
И воронье крыло под щекой шелестит –
Он не пал, не иссяк и не сгинул... он спит.

В самом чёрном безлунье зимы его сны
Алым солнцем и мёдом любовным полны.
Он не помнит обид; он не знает тоски...
И подхвачены ветром летят лепестки.

Станция Кисараги

По мостам, лесам, оврагам
На неслышный зов домой,
Пролетая знак за знаком,
Поезд мчится по прямой.

Льнёт чернилами к бумаге
Над холмами тьма с небес...
Я живу на Кисараги,
Потому что вышла здесь.

По платформе бродят тени
Средь недвижимых теней,
И в туман ведут ступени
Перепутанных корней.

Наберёшься ли отваги
Свой на них оставить след?
Я живу на Кисараги,
А тебя со мною нет...

С неба снег засеребрится,
Поезд дальше полетит –
И, хвостом махнув, лисица
Заметёт его пути.

Ты очнёшься в полушаге
От дверей. А наяву
Я живу на Кисараги –
Значит, всё-таки живу.

